

Семь дней тряски и утомительного пути, под аккомпанемент жалобного скрипа деревянных осей, наконец привели отряд Цзян И к границам Цзичжоу. Стоило им пересечь рубеж, как на них нахлынула тяжелая, пропитанная болью и суровостью атмосфера, совершенно не похожая на ту, что царила в Инчуане или Чэньлю. Эта земля, сильнее всех пострадавшая от восстания Желтых повязок, лежала в руинах. По обе стороны от тракта тянулись заброшенные деревни; обломки стен и остовы домов зияли под серым небом, а обугленные балки торчали вверх, словно сухие кости, тянущиеся к небесам. На одичавших полях буйно разросся полынный бурьян, колышущийся на осеннем ветру. Кое-где в земле были полузарыты проржавевшие лемеха плугов или черепки разбитой посуды — безмолвные свидетели былой жизни и тепла. Но еще страшнее было видеть белеющие в придорожных канавах и зарослях кости, которые тускло поблескивали в редких лучах солнца. На некоторых из них еще сохранились лохмотья одежды, а над ними кружили шумные стаи ворон. Воздух был пропитан запахом сырой земли, горечью полыни и едва уловимым, леденящим душу смрадом тлена.

— Ох... — из глубины повозки донесся тяжелый вздох Си Чжицая. Он приоткрыл край занавески, и его мутный взгляд скользнул по открывшемуся пейзажу. Голос его звучал слабо и горестно: — До чего доведен народ! Двор пребывает в помрачении, евнухи узурпировали власть, чиновники жадны, а сильные дома беззастенчиво захватывают земли, высасывая из людей последние соки... Простому люду негде даже воткнуть иглу, они трудятся круглый год, но плодов их труда не хватает даже на то, чтобы набить желудок. Разве можно винить их в восстании, когда власть стала свирепее тигра? Неудивительно, что стоило Чжан Цзяо воззвать к народу, как за ним пошли толпы... Кхе-кхе... Хотя это и мятеж, но причины его понятны, а истоки очевидны.

Он зашелся в приступе сильного кашля, и его лицо стало еще более землистым.

Цзян И, ехавший верхом на кляче, смотрел на этот земной ад, чувствуя, как на сердце легла тяжелая плита. Он молча кивнул и ответил глухим голосом:

— Слова брата Чжицая пропитаны кровью. Корень смуты в том, что верхи забыли свой путь, а низы лишились пропитания. Народ подобен воде: он может как нести ладью, так и опрокинуть ее. Поэтому, — он перевел взгляд на дикие северные горы, — нам нужно искать не просто великих воинов, а тех, кто носит в сердце сострадание к людям и имеет силу их защитить. Чжао Юнь — именно такой человек.

Сюй Шу, следовавший рядом с повозкой, приподнял бровь:

— Брат Цзян так перевозносит этого человека, что у меня нет причин сомневаться. Остается лишь надеяться, что он окажется настоящим героем, а не пустозвоном с дутой славой.

В его голосе звучала сдержанность. В конце концов, слухи о том, как некто в одиночку сразился с сотней Желтых повязок, были слишком невероятны, а так как исходили они от купцов, то невольно вызвали подозрения в преувеличении.

В полдень, когда солнце стало немного пригревать, отряд нашел защищенное от ветра место у

края рощи и остановился на отдых. После долгого пути люди и лошади выбились из сил. Цай Янь осторожно достала свою верную цитру Цзяовэй и положила ее на колени. Страх последних дней, печаль разлуки, глубокая тревога за отца и вид этих опустошенных земель давили на сердце. Она коснулась струн тонкими пальцами.

Чистые, полные скорби звуки поплыли по лесу, подобно плачу осеннего ветра, касаясь пожелтевшей травы и замирая в тишине верхушек деревьев. Мелодия, полная невыразимой печали, была той самой древней песней Шули. Просо колосится, ростки проса зеленеют... Звуки цитры, словно рыдания, оплакивали падение родного края и разрушение храмов, отражая вид разоренной страны и скитающегося народа. Цзян И был потрясен до глубины души; музыка пронзила его сердце, заставив острее почувствовать тяжесть смутного времени. Сюй Шу и Си Чжицай также погрузились в эту печальную атмосферу, храня молчание.

И в тот миг, когда мелодия достигла кульминации, когда чувства, казалось, вот-вот выплеснутся наружу:

— Топ-топ-топ... Топ-топ-топ-топ!

Резкий, беспорядочный топот копыт, подобно ливню по железной крыше, донесся издалека и мгновенно разорвал тишину рощи!

Цзян И среагировал молниеносно. Он вскочил, положив руку на рукоять меча, и с острым, как у сокола, взглядом посмотрел в сторону шума. Из облака пыли, поднятого на повороте тракта, показался всадник, за которым гнался десяток преследователей! Беглец скакал на удивительно статном белом коне! На человеке был белоснежный боевой халат, который развевался на ветру, словно плывущие облака. Но еще больше внимания привлекало копье длиной в двенадцать чи в его руках — красная кисточка на нем полыхала, как огонь, а само лезвие вычерчивало в воздухе ослепительные холодные блики!

— Это остатки Желтых повязок! — Сюй Шу, обладавший богатым опытом, сразу узнал наряды преследователей — несмотря на их потрепанность, желтые повязки на головах или руках были видны отчетливо.

Белоснежный всадник явно попал в окружение, но страха в нем не было. Он управлял конем с невероятным мастерством: белый конь, казалось, понимал его без слов, ловко лавируя на узкой дороге. Серебряное копье в руках юноши превратилось в ядовитого дракона, вырвавшегося из норы, или в молнию, низвергнувшуюся с девятых небес! Каждый укол, взмах, удар — все было выверено с пугающей точностью и сокрушительной силой!

— Пш-ш! — острие копья, словно язык змеи, вонзилось в горло ближайшего преследователя, и из раны ударил фонтан крови.

— Получай! — юноша развернулся и совершил широкий взмах, от которого двое разбойников с криками рухнули с коней — отчетливо был слышен хруст ломающихся костей!

Затем последовал искусный выпад назад: древко копья, словно живое, вибрировало, выбивая оружие из рук нападавшего сбоку, и острое тут же пронзило его насквозь!

В мгновение ока трое бандитов были повержены. Движения были чистыми, быстрыми и лишёнными лишней суеты — в них сочетались сила и мастерство, а также некая благородная, несокрушимая праведность!

— Отличное владение копьем! Какая удаля! — Сюй Шу, сам будучи мастером меча, не мог сдержать восхищенного крика. Его пронзительный взгляд сразу распознал не только смертоносность, но и величественный стиль, присущий лишь великим мастерам. Он невольно положил руку на эфес, готовый броситься на помощь.

Оставшиеся разбойники, напуганные такой молниеносной расправой, в ужасе побросали оружие и, подобно испуганным птицам, развернули коней и бросились наутек, оставив после себя лишь трупы и облака пыли.

Юноша не стал преследовать врагов. Он осадил своего белого коня, который встал на дыбы и издал звонкое ржание, разнесшееся над пустырем. Всадник замер с копьем в руке, настороженно оглядываясь. Его острый взгляд, словно физическое прикосновение, прошёлся по роще, где прятался отряд Цзян И. Было ясно, что их присутствие и недавний выкрик привлекли его внимание.

Цзян И глубоко вздохнул, подавляя волнение, и знаком велел спутникам оставаться на месте. Он сам вышел из рощи и направился к юноше. Сложив руки в приветственном жесте, он произнес чистым, искренним голосом:

— Я Цзян И. Мы с товарищами проезжали мимо и укрылись в роще. Ваша доблесть и искусство владения копьем поистине поразительны! Прошу простить, если мы вас потревожили.

Юноша, увидев, что Цзян И держится спокойно и вежливо, а его спутники больше похожи на ученых и женщин (Си Чжицай выглядел больным, а Цай Янь, несмотря на простоту одежды, сохраняла утонченность), слегка расслабился. Он ловко соскочил с коня и, опираясь на копье, ответил с юношеской прямоотой:

— Вы слишком добры, господин. Я не генерал, а простой человек из Чжэньдина в Чаншане. Зовут меня Чжао Юнь, второе имя — Цзылун.

Чжао Юнь! Это действительно был он!

Несмотря на то что Цзян И был готов к этой встрече, при звуке этого имени сердце его забило, словно в него ударили молотом! Перед ним стоял юноша, чей облик был покрыт дорожной пылью, но не мог скрыть героической стати: густые брови, ясные глаза, прямой нос, волевое лицо. Это был будущий оплот Шу, непобедимый генерал Чжао Цзылун! Имя из учебников истории теперь стояло перед ним во плоти!

— Так вы Чжао Цзылун из Чаншаня! Давно наслышан! — Цзян И с неподдельной радостью и уважением вновь поклонился. — Я слышал, что брат Цзылун обладает душой, верной долгу, и в одиночку защитил родной край от сотни разбойников, принесся покой жителям! Сегодня я вижу вас лично и понимаю, что слава ваша не пустой звук! Ваше искусство владения копьем божественно, а рыцарский дух — выше всяких похвал!

Чжао Юнь был явно озадачен. Он действительно сражался с разбойниками, но их было далеко не сто, да и слухи об этом ходили лишь среди местных. Он никак не ожидал, что о нем узнают чужеземцы, да еще и будут так превозносить. Он поспешно замахал руками:

— Брат Цзян, вы преувеличиваете! Это лишь мелкая молва, плод доброты моих соседей. Я недостойн такой чести. Помочь в беде — мой долг, не стоит об этом и говорить.

Он перевел взгляд на вышедших из рощи Сюй Шу, Си Чжицай и утонченную Цай Янь, которую поддерживал Сюй Шу. Цзян И понял его немой вопрос и представил спутников:

— Это мои друзья: Сюй Шу, по прозвищу Юаньчжи, из Инчуаня — он искусен в стратегии и владеет мечом лучше любого другого; это Си Чжицай, человек глубокого ума и редкого таланта; а это... — он с почтением посмотрел на Цай Янь, — госпожа Цай Янь, дочь господина Цай Юна.

— Дочь господина Цай Юна?! — Чжао Юнь выпрямился, его глаза наполнились благоговением. Цай Юн был великим ученым, чья мудрость и добродетель почитались во всей Поднебесной. Он снова низко поклонился: — Прошу простить мою дерзость, госпожа! Ученость вашего отца подобна небесам, а его труды будут чтить в веках! Встретить вас для меня великая честь!

Цай Янь, хоть и была еще напугана, сохранила достоинство знатной дамы и ответила вежливым поклоном:

— Ваша доблесть, генерал Чжао, спасает людей от зла, и я восхищаюсь этим. Если бы мой отец узнал, что в Цзичжоу есть такой человек, он был бы утешен.

Сюй Шу также подошел поприветствовать юношу, внимательно изучая его. Он отметил про себя: спокойный нрав, скрытая мощь — этот человек определенно неординарен. Си Чжицай едва нашел силы для поклона, после чего снова зашелся в кашле.

— Брат Цзылун, те, с кем вы сражались — это остатки Желтых повязок, что грабят округу? — спросил Сюй Шу, бросив взгляд на трупы.

В глазах Чжао Юня вспыхнул гнев:

— Именно так! Эта банда промышляет грабежами вокруг Чжэньдина, они врываются в деревни, отбирают зерно и обижают женщин и детей! Я наткнулся на них случайно и

преследовал досюда. Досадно, что не удалось перебить всех, боюсь, они вернутся и принесут еще больше бед!

Он сжал древко копья так, что побелели костяшки пальцев — было ясно, что он искренне сопереживает страданиям народа. Цзян И уловил эту искренность. Это был именно тот Чжао Юнь, которого он искал!

— Брат Цзылун, ваши слова отзываются в моем сердце! — сказал Цзян И. — Дун Чжо творит беззаконие в Лояне, остатки Желтых повязок терзают народ в провинциях. Порядок рухнул как в столице, так и в глуши! Сейчас время, когда Поднебесная колеблется, а народ висит на волоске! Нам нужны герои, подобные вам, с добрым сердцем и верным копьем!

Чжао Юнь посмотрел на Цзян И пронзительным взглядом. Эти слова указывали на корень смуты и содержали скрытое предложение.

— У вас, брат Цзян, глубокий взгляд на вещи, вы не обычный человек, — произнес он. — Каково же ваше видение ситуации? И почему... почему вы выбрали именно меня?

Цзян И встретил его взгляд прямо:

— Мое видение — лишь искреннее сердце. В Поднебесной много героев, одни копят силы для себя, другие стремятся к трону. Но я ишу не славы для одного человека, а спасения для тех, кто пытается выжить в эту смуту! Мне нужен герой, чьи помыслы чисты, кто не гонится за призрачной выгодой, а живет лишь четырьмя словами: защитить край и успокоить народ! Проезжая через Чаншань, я слышал, как люди называют вас — Чжао Цзылун, человек чести, чья доброта простирается на всех, кто относится к народу, как к родным. Разве такие люди не есть надежда для страждущих? Я, хоть и не обладаю великим даром, готов следовать за вами, чтобы вместе совершить это благое дело!

Он намеренно поставил себя в положение помощника, чтобы подчеркнуть достоинство Чжао Юня. Эти слова, идущие от самого сердца, задели те струны, которые Чжао Юнь ценил больше всего. Юноша вздрогнул. Вспоминая доверие односельчан и глядя в честные глаза Цзян И, он почувствовал, как в нем закипает кровь. На его волевом лице впервые появилась ясная и твердая улыбка.

— Хорошо! Брат Цзян, вы понимаете меня! — голос Чжао Юня прозвучал как удар стали о камень. — Если действительно можно собрать единомышленников, обучить воинов, защитить родную землю и уберечь стариков, жен и детей от огня войны и грабителей — я готов взять это копье и стать вашим авангардом! Даже если придется сложить голову, я не отступлю!

Закат догорел, сгустились сумерки. Под предводительством Чжао Юня отряд добрался до заброшенной усадьбы. Она была немалой, но давно пришла в запустение: ворота обрушились, стены местами повалились, двор зарос травой, а разбитые оконные рамы жалобно скрипели на ветру. Только главный зал сохранился более-менее сносно, хотя и был покрыт пылью и паутиной. Чжао Юнь явно знал это место, он быстро расчистил площадку и с помощью сухих

дров развел огонь в жаровне.

Прыгающие оранжевые языки пламени разогнали холод и мрак, принося тепло и отбрасывая длинные тени на облупленные стены.

— Брат Цзылун, вы часто здесь бываете? — спросил Цзян И, оглядываясь.

— Да, — кивнул Чжао Юнь, подкладывая дрова. — В последнее время в округе беспокойно: бродячие банды, дезертиры, даже мелкие отряды разбойников с гор Хэйшань появляются тут постоянно. Я часто патрулирую эти края и, если вижу беду, прихожу на помощь. Эта усадьба в глуши, но здесь тихо, она служит мне убежищем от непогоды и наблюдательным пунктом.

Цай Янь и Си Чжицай были измотаны. Цай Янь, закутавшись в плащ, легла на охапку сухого сена в углу и вскоре уснула рядом с теплым огнем. Си Чжицай, укутанный в одеяло, данное Сюй Шу, тоже свернулся калачиком, и во сне его дыхание прерывалось редким кашлем.

Цзян И, Сюй Шу и Чжао Юнь сели вокруг жаровни.

— Брат Цзылун, ваше владение копьем сочетает твердость и мягкость, оно непредсказуемо и глубоко. У кого вы учились? — спросил Сюй Шу.

Чжао Юнь скромно улыбнулся:

— Основам я научился дома. Позже мне посчастливилось встретить мастера из Бинчжоу — господина Тун Юаня. Я провел у него несколько месяцев. Его искусство достигло вершин, я же постиг лишь малую часть, мне еще учиться и учиться.

— Так вы ученик самого Тун Юаня! — уважительно воскликнул Сюй Шу. — Неудивительно! Мастера Туна называют Богом копья из Пэнлая, его искусство не имеет равных на Севере! Вам невероятно повезло!

Цзян И понимающе кивнул: конечно, это был Тун Юань! Легендарный мастер, наставник Чжао Юня и Чжан Сюя.

— Но больше, чем боевым искусствам, — Чжао Юнь перевел тему, — я учусь у героев прошлого, таких как князь Синьлин, который спас Чжао, или Мэнчан-цзюнь, у которого было три тысячи гостей. Они жили ради страны и народа! Муж, рожденный в этом мире, должен держать трехфутовый меч, совершить великие деяния и избавить народ от страданий, чтобы прожить жизнь не зря!

Цзян И мысленно похвалил его — это был именно тот Чжао Юнь, который ему нужен.

— Ваши стремления достойны восхищения. Но нынешняя ситуация сложнее, чем в эпоху Сражающихся царств. Дун Чжо убил императора, узурпировал власть, он хуже тиранов Цзе и Чжоу! Если его не остановить, мира не будет. Но у него сильная армия, а князья на востоке разрознены и каждый преследует свои цели. Мое мнение таково: союз против Дун Чжо может добиться успеха, но как только Дун Чжо падет, начнется эпоха дележа власти и новых войн! Династия Хань... останется лишь на бумаге.

Чжао Юнь слушал, нахмурившись, в его глазах отражалось пламя:

— Брат Цзян, вы видите насквозь! Значит, эта смута... только начинается? Что же будет с простыми людьми? Где им найти приют?

— Именно это наша главная задача! — Цзян И подался вперед. — Примыкать к любому из князей — значит стать пешкой в их амбициозных играх, а страдать снова будут люди. Нам нужен другой путь: собрать тех, кто душой болеет за родной край, не ради власти, а ради защиты народа! С вашей доблестью, с мудростью брата Юаньчжи и брата Чжицая, мы можем выбрать укромное место, обучить воинов, укрепить позиции, восстановить хозяйство. А вовне применять... — он сделал паузу, — методы партизанской тактики!

— Партизанской тактики? — переспросили Чжао Юнь и Сюй Шу.

— Именно! Если враг силен — мы избегаем прямого столкновения, распыляем силы, скрываемся среди народа. Используя ландшафт, мы будем нападать на их обозы, изматывать их, уничтожать разведку, чтобы их армия завязла в болоте. Враг наступает — мы отступаем, враг остановился — мы беспокоим, враг устал — мы атакуем, враг отступает — мы преследуем! Не стремиться к быстрой победе, а копить малые успехи, выигрывать время, чтобы враг ушел ни с чем! Это лучший путь для слабых против сильных!

Чжао Юнь ударил себя по бедру:

— Гениально! Это полностью соответствует принципам военного искусства: использовать прямое для встречи, а не прямое для победы! И главное — в основе лежит человеколюбие! Брат Цзян, ваши слова открыли мне глаза!

Сюй Шу также восхитился:

— Неожиданно, но глубоко! Брат Цзян, вы великий талант! С вашей идеей, доблестью Цзылуна и мудростью Чжицая мы обязательно создадим для людей островок безопасности!

Они обсуждали всё: набор и обучение воинов, дисциплину, снабжение, разведку, методы завоевания сердец народа. В заброшенной усадьбе, в свете угасающего огня, три молодых человека, движимые одной целью, закладывали фундамент будущего. Цзян И, словно бабочка, взмахнувшая крыльями, начал менять течение истории, направляя судьбу великого генерала Чжао Цзылуна в новое русло — полное неизвестности, но и бесконечных возможностей.

<http://bllate.org/book/18471/1771467>